

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-46-68

Антон Сорокин, плагиат и авторские конвенции: к истории рассказа «Чукча Коплянто Анадырский»

Игорь Евгеньевич Лошилов¹
Константин Александрович Прохоров²

¹ Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Независимый исследователь
Омск, Россия

¹ loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>
² cap2@list.ru

Аннотация

Статья посвящена истории рассказа сибирского писателя Антона Семеновича Сорокина (1984–1928) «Чукча Коплянто Анадырский», который дважды был напечатан в 1916 г. в журналах, выходивших в Красноярске и Петрограде. Рассказ был подписан псевдонимом «Константин Треплев» – именем персонажа комедии А. П. Чехова «Чайка», сочинителя подражательных символических драм. Сорокин не видел или делал вид, что не видит пародийного начала чеховского персонажа. Подпись должна была спровоцировать красноярского издателя В. М. Крутовского, отказывавшегося печатать рассказы, подписанные настоящим именем Сорокина, и разоблачить его как человека, не знающего классических сочинений Чехова. Вскоре в печати выступил известный писатель и этнограф В. Г. Тан (Богораз), который заявил, что Сорокин воспользовался сюжетом, деталями и именем героя из его газетного очерка. Впоследствии мемуаристы и исследователи сибирской литературы стали говорить о том, что Сорокин присвоил чужой рассказ и является плагиатором. В статье показана ошибочность этого представления: текст Тана относится к газетной публицистике, а рассказ Сорокина – к разряду художественных произведений («модернистский примитив»). Сделан вывод о независимости Сорокина, выступившего мистификатором, но не плагиатором, от литературных конвенций своего времени (авторское право, литературный вкус) и о его способности вступать в игровые отношения с этими конвенциями.

Ключевые слова

Антон Сорокин, сибирская литература, Сибирь, плагиат, мистификация, литературные конвенции

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИФЛ СО РАН (FWZU-2026-0001: «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературной эпик: синтез исторического, утопического, фантастического»)

© Лошилов И. Е., Прохоров К. А., 2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 3. С. 46–68

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3, pp. 46–68

Для цитирования

Лоцилов И. Е., Прохоров К. А. Антон Сорокин, плагиат и авторские конвенции: к истории рассказа «Чукча Коплянто Анадырский» // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 3. С. 46–68. DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-46-68

Anton Sorokin, Plagiarism and Author's Conventions: The History of the Short Story “Koplyanto, the Chukchi of the Anadyr”

Igor E. Loshchilov¹, Konstantin A. Prokhorov²

¹ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Independent Researcher
Omsk, Russian Federation

¹ loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

² cap2@list.ru

Abstract

The article examines the publication history of the short story “Koplyanto, the Chukchi of the Anadyr” by Siberian writer Anton Sorokin (1884–1928) that appeared twice in the periodicals in Krasnoyarsk and Petrograd in 1916. The story was signed with the pen name “Konstantin Treplev” after A. P. Chekhov’s character in *The Seagull*, the writer of imitative symbolic dramas. Sorokin either failed to notice or deliberately pretended not to notice the parody of the Chekhov’s character. The choice of name may have been intended to provoke the Krasnoyarsk publisher V. M. Krutovsky, who refused to print the stories, signed by the real name of Sorokin, and expose him as a person who did not know the classical writings by Chekhov. Soon afterwards, the well-known writer and ethnographer V. G. Tan (Bogoraz) publicly accused Sorokin of borrowing the plot, details, and the protagonist’s name from one of Tan’s newspaper essays. Later memoirists and researchers of the Siberian literature wrote that Sorokin had appropriated someone else’s story and was therefore a plagiarist. This article challenges this accusation. Tan’s text belongs to the genre of newspaper journalism, whereas Sorokin’s story falls into the category of literary fiction (“modernist primitivism”). The authors of the article came to the conclusion about the independence of Sorokin, who acted as a mystifier, not a plagiarist. They demonstrate that his story engages playfully with the literary conventions of its time, including contemporary notions of copyright and literary taste.

Keywords

Anton Sorokin, Siberian literature, Siberia, plagiarism, hoax, literary conventions

Acknowledgments

This research was conducted within the framework of the state assignment for the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FWZU-2026-0001: “Plot and Motif Complexes of Russian Literary Epics: A Synthesis of Historical, Utopian, and Fantastic Elements”)

For citation

Loshchilov I. E., Prokhorov K. A. Anton Sorokin, Plagiarism and Author's Conventions: The History of the Short Story “Koplyanto, the Chukchi of the Anadyr”. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3, pp. 46–68. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-46-68

Скандално известный сибирский писатель Антон Семенович Сорокин (1884–1928) неоднократно декларировал право писателя на плагиат. В качестве аргументов выступали ссылки на авторитеты, исторические прецеденты и принцип «экономии сил»:

Некоторые зовут Антона Сорокина плагиатором, объясняя это двумя причинами: во-первых, Антон Сорокин, гонимый всюду, скрывается под десятками псевдонимов, во-вторых, он не стеснялся давать темы молодым талантам и подписывать эти произведения своим именем; вот по каким причинам. Всем известно, что капиталисты чужим трудом строили фабрики, машины, дома, дороги, то же самое делали <...> таланты великих писателей: не стеснясь, они грабили менее знаменитых и талантливых писателей. Все знают, что «Декамерон» ограбил всю средневековую литературу, Шекспир сделал то же, современные писатели Аннунцио, Флобер, Дюма, Гонкуры не брезговали плагиатом, особенно смелым плагиатором был драматург Островский, все пьесы до исторических написаны пьяницей артистом Горевым и украдены Островским, когда плагиат выяснился, Островский стал править Соловьева, вот почему у Островского совместная работа с Соловьевым давала совершенно другие драмы. Чехов уворовал рассказ «Пари» <...> Даже Лев Толстой украл рассказ у английского писателя («Суратская кофейня»). За что бьют маленьких воришек, то прощают большим вора, и я, Антон Сорокин, в литературе делаю то же дело, что большевики в политической жизни, революцию в литературе делаю я, первый национальный сибирский писатель. А что про меня говорят, так до этого мне наплевать ¹.

Каждый писатель должен применять систему Тейлора – сбережение сил.

В прежнее время была такая профессия, менялы на сукне пересчитывали бесплатно миллионы золотых монет, и когда сжигали сукно, то у них оставалось золото.

То же нужно делать с огромной ценностью великой литературы, пересмотреть все книги и составить свою, так делал Толстой.

Разве он не ограбил Конфуция, Будду, Христа, так делал Шекспир, так делал Антон Сорокин, и так делает всякий великий писатель. <...>

Не верьте пролетарским писателям, если он <так. – И. Л., К. П.> подписывает свое имя. Для пролетарского революционного писателя нет имени. Кроме имени Бога Человечества. Каждый писатель, каждый человек – кровавый шарик в огромном организме, имя которому – Человечество ².

¹ Сорокин А. С. Афоризмы Антона Сорокина (1920). Омский государственный музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Гс-1442-1443.

² Сорокин А. С. Школа Антосорокизма <Без даты>. Исторический архив Омской области. Ф. 1073 (Сорокин А. С.). Оп. 1. Д. 221. Л. 9–11.

Могила Антона Сорокина на Ваганьковском кладбище
Фотография 1930-х гг.

Anton Sorokin's grave at Vagankovskoe Cemetery (Moscow)
Photograph from the 1930s

Сохранившаяся плита на могиле Антона Сорокина на Ваганьковском кладбище,
участок 34. Октябрь 2025 г.

The surviving gravestone at Anton Sorokin's grave at Vagankovskoe Cemetery,
section 34. October 2025

Самый известный случай сорокинского «плагиата», однако, при более пристальном историко-литературном рассмотрении оказывается, во-первых, показательным, во-вторых, не имеющим прямого отношения к нарушению авторской конвенции.

Современный исследователь отмечает: «Все пишущие о нем в основном пересказывают “чужачества” и “шалости” писателя (эти рассказы кочуют из книги в книгу, вариативны по структуре и содержанию, что заставляет предполагать существование устойчивого претекста-инварианта, автором которого был, несомненно, сам Сорокин) и попадают в сферу бытования мифа, видимо, не подозревая особой “мистифицирующей” природы “сорокинского” текста, невольно втягиваясь в “игру”, придуманную много лет назад» [Гончарова, 2001, с. 249].

В связи с сорокинскими «плагиатами», как правило, вспоминают о рассказе «Чукча Коплянто Анадырский: Эскиз», который писатель дважды опубликовал под псевдонимом «Константин Треплев» [Треплев, 1916а; 1916б]³.

Эти публикации, несомненно, носили авантюрный характер, но природа авантюры связана не с присвоением чужого текста, а с провокацией и мистификацией.

О замысле авантюры нам известно благодаря письмам Сорокина в редакции сибирских журналов:

Когда основался журнал «Сибирские Записки» в Красноярске – единственный толстый журнал в Сибири, то, конечно, все сибирские известные писатели были привлечены к сотрудничеству. Я же, не получая приглашения, написал в редакцию письмо приблизительно следующего содержания:

«Так как литературных сил немного в Сибири и каждый писатель на учете, я не удостоился получить приглашения. Настоящим изъясняю свое согласие, прошу включить в сотрудники и высылать журнал, так как объясняю неприглашение меня простой забывчивостью. Не может же редакция не знать моего своеобразного творчества, и, кроме того, я печатался в журнале “Сибирская Неделя”, где состояли все силы настоящих “Сибирских Записок”».

Ответа на три аналогичных письма я не получил. Когда я увидел первые две книжки «Сибирских Записок», то увидел, что там сибиряки печатали только посредственный материал, все же лучшее отдавали, т. е. *продавали* за более дорогую цену в российские журналы, и опять я написал письмо в редакцию о том, что я, – не как прочие писатели, торгующие словом, – я для Сибири отдам все лучшее и бесплатно. Ответа нет. Посылаю большую киргизскую повесть, премированную на киргизском конкурсе братьев Байсун, под названием «Сагым». – Ответа нет...

Тогда я посылаю под псевдонимом *Константин Треплев* небольшой рассказ «Чукча Коплянто Анадырский». И этот рассказ... печатается в третьей книжке «Сиб<ирских> Зап<исок>». Я пишу письмо и сообщаю редакции, что Константин Треплев – это я, Антон Сорокин. И вот, наконец, чуть ли не на десятое письмо получаю ответ...

³ В архивном фонде писателя хранится неполная машинописная копия рассказа: *Сорокин А. С. Чукча Коплянто Анадырский <1916>*. Исторический архив Омской области. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 339. Л. 1–4.

«М. Г.! – пишет редактор Крутовский. – Я, конечно, очень огорчен, что попал впросак и Вами одурачен... Присланный рассказ мне понравился. Я наводил справки, кто это Константин Треплев, но никто сказать мне ничего не мог. Предполагая, что это начинающий писатель, я решил напечатать... Теперь оказывается, Вы выкинули опять хулиганский поступок. Чувствуется омерзение, как от прикосновения к какой-то гадости... (Не к “Сибирским ли Запискам”, которые имеют такого справедливого редактора?!) Мне наука, – продолжает Крутовский, – вперед не принимать рукописей от неизвестных авторов... (т. е. из-за Антона Сорокина не печатать всех начинающих!!).

Но мои рассказы настолько самобытны, что узнаются по первым строчкам. А затем... некультурность редактора настолько велика, что Крутовский не нашел Константина Треплева. Это значит, что такую известность, как Чехов, не знает Крутовский... Константин Треплев – это же чеховский писатель из «Чайки», – тот самый, который в уши таким редакторам со страниц Чехова кричит:

(*Топнув ногой.*) – «Как это я понимаю, как понимаю!! У меня в мозгу точно гвоздь. Будь он проклят вместе с моим слабоумием, которое сосет мою кровь, как змея... (*Иронически*). Настоящие таланты! (*Гневно*.) Я талантливее вас всех, если на то пошло! Вы, рутинеры, захватили первенство в искусстве и считаете законным и настоящим лишь то, что делаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите! Не признаю я вас... Да, я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а то что человек пишет, не думая ни о каких формах. Пишет потому, что это свободно льется из его души. Я все хожу и думаю, и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы...»⁴.

Вы редактора! Вы Крутовские! Слышите! Не я, рекламист Антон Сорокин, обвиняю вас. Сам Чехов... Притаитесь же в своих углах. Делайте же свою работу рутинеров.

Константин Треплев доказал вам, что таланту не закрыть дорогу, хотя бы вы и хотели, и бойкот ваш для Антона Сорокина не страшен [Сорокин, 1916, с. 2].

Подобный текст был напечатан и в иркутском «Багульнике» [Без подписи, 1916, с. 9–10]. В том же выпуске в рецензии на красноярский журнал говорилось: «Эскиз “Чукча Коплянто Анадырский” г. К. Треплева, написанный сбивчивым и торопливым языком, совершенно не отвечающим заданию вещи, не представл<ает> интереса» [Вест, 1916, с. 14]. Известен и значительно более доброжелательный отклик: «Украшением беллетристического отдела, на мой взгляд, является короткий бесхитростный рассказ Константина Треплева “Чукча Коплянто Анадырский”. Автор на протяжении всего лишь трех страниц заставляет глубоко переживать тяжелую драму маленького народца, для которого на “жизненном пиру” не хватило места» [А. Ш., 1916, с. 3]. В еще одной рецензии на журнал, основную часть которой занимали обширные выписки из сорокинского рассказа, говорилось: «В этом простом, не претендующем на художественную ценность

⁴ Фрагменты реплик Константина Треплева и Нины Заречной из комедии А. П. Чехова «Чайка» цитировались Сорокиным неточно.

повествовании читатель неизбежно перечувствует тяжелую драму одного из вымирающих народов сибирских просторов»⁵. Высказывались и намеки на подлинного автора (нельзя исключить, что инспирированные им самим): «Уж больно похожа философия чукчей в передаче Константина Треплева на философию киргизов г. Антона Сорокина... Рассказик, во всяком случае, литературен и даже более – талантлив»⁶.

Однако вскоре дело приняло неожиданный для Сорокина оборот, суть которого сформулировал в четвертом выпуске «Багульника» известный литератор Николай Чужак (Н. Ф. Насимович):

В одном из последних номеров «Журнала Журналов» В. Г. Тан заявляет, что рассказ г. Антона Сорокина «Чукча Коплянто Анадырский», помещенный Сорокиным в «Сиб<ирских> Записках» контрабандой и под псевдонимом К. Треплева, есть в действительности (и вдобавок) дурная переделка с рассказа Тана в «Биржевых Ведомостях». Сейчас только мне попался анонс о выходе книжки 10-ой петроградского журнала «Северные Записки», и там, по оглавлению, числится: эскиз К. Треплева «Чукча Коплянто Анадырский»!.. У меня нет сейчас времени высказаться по поводу всей этой истории подробнее. Замечу поэтому коротко: – В лице г. Антона Сорокина, по глубокому моему убеждению, мы имеем человека несомненно психически больного, все поступки которого, мало того, что лишены малейшей целесообразности, но – и это главное – явно вредны для самого же г. Сорокина. Практические выводы отсюда ясны [Чужак, 1916, с. 13].

В разоблачавшей Сорокина статье В. Г. Тана (Богораза) говорилось:

Проездом через Иркутск купил на станции номер журнала «Багульник». Есть такой сатирический журнал, издается кружком «молодых».

Он добрался уже до второго номера, что, разумеется, немало. И в этом втором номере помещена литературная справка <...>

Некий Антон Сорокин, сибирский литератор, сводит счеты с редактором сибирского журнала «Сибирские Записки», – скажу в скобках, журнала весьма почтенного, – и, между прочим, с гордостью заявляет, что в 3-м № этого журнала он, Сорокин, напечатал под псевдонимом Константина Треплева рассказ «Чукча Коплянто Анадырский».

Писатель Антон Сорокин в сибирской прессе подвергнут остракизму, и рассказов от него не принимают. Потому он старается помещать их под различными псевдонимами, вплоть до чеховского Треплева, позаимствованного из «Чайки». <...>

⁵ Цит. по: Альбом с газетными и журнальными вырезками. Исторический архив Омской области. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 370. Л. 111. Сорокин собственноручно вырезал и наклеивал на страницы специально заведенных альбомов отклики на свои литературные авантюры из журналов и газет. Источники вырезок (иногда фрагментарных – несколько строк или абзац, где упомянуто имя Сорокина) писатель не указывал, и во многих случаях уточнить библиографические сведения затруднительно.

⁶ Цит. по: Альбом с газетными и журнальными вырезками. Исторический архив Омской области. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 370. Л. 23.

«Чукча Коплянто Анадырский»... Знакомые звуки. Минувшей весною я напечатал в «Биржевых Ведомостях» (12 мая, № 15.553) небольшой очерк: «Коплянто застрелился». И откуда бы Антону Сорокину знать что-нибудь о чукчах и об Анадыре?

Я достал «Сибирские Записки», посмотрел и убедился, что хулиганский поступок Сорокина-Треплева относится не только к подписи автора, но также и к содержанию рассказа. Он заимствовал у Чехова подпись, а рассказ у меня.

По этому поводу, пожалуй, не стоило бы и разговор заводить. Нынче и у Пушкина спишут и выдадут за свое, еще и в трех журналах сразу напечатает и получают везде гонорары. Списал, так списал, – на здоровье!

Но вот беда: Сорокин-Треплев не только списал, но еще подвергнул мой маленький очерк дальнейшей обработке, с позволения сказать, беллетристической. <...> В обработке Антона Сорокина мой собственный очерк мне совсем не нравится. Мало того, он стал ужасающе бездарным. Все бытовые подробности, плоть и кровь и самый сок жизни, безжалостно отброшены. Мой очерк стал, как выжатый лимон. Зато он приобрел «тенденцию», тот надоевший до смерти, слезливый, слюнявый трафарет, который до сих пор нравится благожелательным критикам сибирским, да и не только сибирским: «Русские спаивают инородцев. Инородцы вымирают. Точка» [Тан, 1916, с. 1].

И сам Тан, и Чужак говорили о рассказе Сорокина как о злонамеренно-авантюрной «обработке» и неудачной «переделке» оригинального произведения Тана. Рассказом Антона Сорокина, а не Тана (без оценки его достоинств) «Чукча...» был назван исключительно добросовестным библиографом Н. В. Здобновым [1927, с. 6–7, 48], как и в составленной им же избранной библиографии, сопровождавшей блок посмертных материалов о Сорокине [Сибирские огни, 1928, с. 220]. Всеволод Иванов незадолго до своей смерти вспоминал: «Он писал превосходные рассказы о казаках и вообще о всех народностях Сибири, эксплуатацию которых он ненавидел. Я до сих пор помню его рассказ “Чукча Коплянто Анадырский”» [Иванов, 1964, с. 18].

Однако в позднейших мемуарах [Урманов, 1965, с. 162] и в научных статьях разных десятилетий и разного уровня [Миокин, 1966, с. 193; Беленький, 1970, с. 163; Шепелева, 1994, с. 81; Яранцев, 2022, с. 70–71; 2023, с. 70], по инерции старого скандала, начатого еще самим Сорокиным и продолженного «разоблачением» Тана, «Чукча...» фигурирует (часто безоговорочно) как рассказ Тана, якобы «присвоенный» Сорокиным. Обвинение восходит к статье-отповеди редактора «Сибирских записок» В. М. Крутовского, где говорилось, что рассказ Тана «грубо переделан и искажен г. Сорокиным»:

Таким образом Антон Сорокин оказался не только саморекламистом самого скверного пошиба, но и литературным мародером. Теперь, конечно, трудно, сказать, что в произведениях Сорокина принадлежит Антону Сорокину и что похищено у других. Ведь в данном случае только случайность обнаружила мародерство Сорокина. <...> Нужно широко огласить этот факт и защитить сибирскую прессу от литераторов-мародеров. Таким господам не место в литературной семье [Крутовский, 1916, с. 2].

В статьях, вырезанных из пока не установленных газет и помещенных в сорокинский альбом, встречаются, например, такие пассажи:

В. Г. Тан-Богораз в «Журнале Журналов» опубликовал доказательства плагиата, совершенного А. Сорокиным, и он, надо думать, утихнет. Да будет ему легка земля!⁷

Кончилось тем, что он написал «другого Юрия Милославского», списав его с якутских рассказов Тана, и поместил (под вымышленной подписью, ибо редакции его писаний уже не читали) в одном простодушном журнале, в чем и был изобличен (самим же Таном) публично⁸.

На простодушие редакторов сетовала в опубликованной записи «Из дневника» от 22 сентября 1916 г. и иркутская поэтесса, известная под псевдонимом «Динна Стож»:

Редактор «Сибирских записок», Вл. М. Крутовский хотел посадить Антона Сорокина в калошу, но он так ловко перехитрил Крутовского, всучив последнему свой рассказ под псевдонимом Константина Треплева. Этому приходится только удивляться. Впрочем, чему удивляться, когда в ту же калошу сел и редактор «Северных записок». Можно удивляться только тому, как могли сразу сесть в одну калошу два редактора?! Подумайте, целиком два. Вот так и редакторы! [Стож, 1917, с. 5]⁹.

Еще одна характерная печатная реплика:

«Чукча Коплянто Анадырский» К. Треплева назван «эскизом». Мы прибавили бы к этому еще и «краденым».

– Помилуйте! Разве не узнали? Мы встречались с вами в обществе чукчей у В. Г. Тана? Разве забыли?

– Где уж тут забыть, очень даже хорошо помним...

Только что еще на страницах «Журнала журналов» В. Г. Тан-Богораз разоблачил К. Треплева (Антон Сорокина то ж), укравшего уже раз этот рассказ у Тана. Но «Северн<ые> Зап<иски>» снова ловятся на эту же удочку, и г. К. Треплев на глазах у публики снова крадет уже однажды скраденный им рассказ. Поистине безмерна наглость плагиаторов и безмерно доверие редактора «Северн<ых> Зап<исок>»¹⁰.

Обратившись к *Приложению*, читатель этой статьи может убедиться, что ни о каком присвоении чужого текста не может идти речи. Прежде всего, сочинения Тана и Сорокина принадлежат разным жанрам: «Коплянто застрелился» – публицистический очерк, «эскиз» «Чукча Коплянто Анадырский» – «рассказ-схема», вписывающийся в ряд сорокинских сочинений «из жизни сибирских инородцев». Их природа связана не с прагматикой газетной публицистики, но с эстетикой

⁷ Альбом с газетными и журнальными вырезками. Исторический архив Омской области. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 370. Л. 88.

⁸ Там же. Л. 68.

⁹ Также в: Альбом с газетными и журнальными вырезками. Исторический архив Омской области. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 370. Л. 80.

¹⁰ Там же. Л. 104.

и поэтикой «модернистского примитива» [Тырышкина, 1987]. Так, если в очерке Тана однотипные вопросы со словом «Где...» («Где Ирмишка безногий?» «А где Аканька?») выполняют сюжетную и риторическую функции, то под пером Сорокина они преобразуются и несут художественный смысл, напоминая о поэтике фольклорных плачей. С другой стороны, Сорокин отказывается, например, от эффектно-антиэстетической этнографической подробности: этимологии, возводящей имя героя к «навозу» мифологического ворона.

Итак, рассказ Сорокина о застрелившемся чукче – не плагиат, но несомненная *мистификация* [Ланн, 1930; Попова, 1992]. К этому полю литературных авантюр приобщает «Чукчу...» не содержание рассказа, но подпись под его текстом¹¹. Н. В. Здобнов писал: «Насколько известно, напр., за подписью “К. Треплев” был напечатан только один рассказ – и это как будто дает право признать К. Треплева случайным писателем» [Здобнов, 1927, с. 6]. Авторам статьи известна еще одна хронологически близкая публикация Сорокина с той же подписью, содержание которой, однако, затруднительно было бы связать рассказом о Коплянто [Треплев, 1916в].

Как может убедиться читатель, фигура Константина Треплева из чеховской комедии переживалась Сорокиным отнюдь не по законам комической художественности, но всерьез – и патетически. Финальный выстрел драматурга-«декадента» в «Чайке» Чехова был небезразличен Сорокину, печатно объявившего в 1915 г. (за год до истории с рассказом о публичном самоубийстве чукчи Коплянто) о своем «самоубийстве» (см.: [Лоцилов, 2013, с. 97–98]). Непризнание таланта, непонимание окружающими новоявленного «российского Метерлинка» Сорокин проецирует на собственный литературный и жизненный опыт, решительно не замечая, что «Пьеса Треплева – злая пародия на сознательно непонятые и нарочно перевернутые темы авторов “Северного вестника”, образец какографии» [Толстая, 1994, с. 312].

6 июня 1919 г. Сорокин читал в омском Литературно-художественном кружке свою неизданную по сей день «полидраму» «Камень Алатырь» – трагедию из жизни староверов, написанную по модели чеховской комедии [Е. Б., 1919, с. 3]. Вместо «Мировой души» из пьесы Треплева здесь выступает «Статуя Любовь», которая произносит патетический монолог: «Любовь – великая сила, и никто не может противиться зову любви, ни старики, ни юноши. Тоскуют ужасной тоской одиночества – убивают себя и возлюбленную... <...> Цветы, слоны, кошки, тигры, муравьи, волки – все знают любовь... Горе людям, в товар обратившим любовь. Только любовью и совершенствуется жизнь, только любовью обновляется жизнь»¹².

Как известно, Сорокин родился и вырос в глубоко религиозной семье староверов-беспоповцев («сектантов»), в окружении книг и памятников словесности, далеких от литературных конвенций его времени. При вхождении в современный ему литературный мир писатель, вероятно, отчасти искренне не понимал, а отчас-

¹¹ В качестве параллели приведем два позднейших случая, когда писатель или историк выпустили свои книги под именами литературных героев – персонажей романов Ю. К. Олеси и К. К. Вагинова [Кавалеров, 1930; Ротиков, 1998].

¹² *Сорокин А. С.* Камень Алатырь (<Без даты>). Исторический архив Омской области. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 251. Л. 34.

ти не принимал «правил игры» и норм усредненного литературного вкуса начала XX столетия. Уместно вспомнить, может быть, о герое романа Л. И. Добычина, который с детства привык видеть во взаимных комплиментах Манилова и Чичикова проявление искренней симпатии и не поверил (и посмеялся) тому, что принято говорить о них в училище: «...будто Чичиков и все жители города Эн и Манилов – мерзавцы» [Добычин, 2013, с. 147]. Интуитивно точно «схватив» некоторые характерные особенности гласных и негласных условий существования современного писателя в мире печатного слова, Сорокин понял, что с литературными конвенциями можно играть, – и играл, а в некоторых случаях (как в истории с рассказом «Чукча...») игра выходила из-под контроля автора.

Интересные психологические «тонкости» в восприятии этой темы самим Сорокиным проясняет также его рассказ «Чаша крови» (1919). В нем описывается опытный наборщик в типографии и начинающий литератор в одном лице, которому доверили разобрать почти нечитаемые рукописи недавно умершего «известного писателя Анисима Тардова». Несмотря на все приложенные старания, наборщик вскоре осознал невыполнимость порученного ему задания. Однако, не желая признаваться в собственном бессилии, он вместо рассказов Тардова набрал несколько собственных произведений, которые в то время никто не хотел печатать. В издательстве подмены не заметили, и сборник посмертных трудов Тардова вышел в свет. Эта книга вызвала всеобщее восхищение и «разошлась в миллионах экземпляров». Наборщик, осознав себя великим писателем, подал в суд, желая доказать свое авторство книги, ставшей знаменитой. Тем не менее во время судебного разбирательства эксперты сошлись на том, что все рукописи Тардова были прочитаны и набраны правильно. А наборщика, сошедшего с ума от горя, отправили в сумасшедший дом [Сорокин, 1919, с. 3].

Если предположить, что Сорокин в этом рассказе описал в какой-то мере – пусть даже карикатурно – самого себя, то его игра с литературными конвенциями приобретает здесь новые грани: непроизвольное, бессознательное заимствование каких-то фрагментов чужих произведений, искреннее «детское» заблуждение в собственном авторстве и т. д. При этом, в отличие от своего литературного героя, сам Сорокин, как правило, не копировал в точности тексты других авторов, а значительно перерабатывал их, так что они действительно становились уже его собственными, «плоть от плоти».

Литературное творчество Антона Сорокина разветвлялось в двух направлениях: с одной стороны, это собственно литературные произведения, с другой – образ писателя Антона Сорокина, которому изначально и безоговорочно приписан статус Гения Сибирской Литературы и Короля Писателей. Именно этот, исключительно мифогенный и притягательный, образ обладает безусловной оригинальностью, в то время как литературная продукция Сорокина-литератора жила и продолжает жить своей жизнью, независимой от принятых в литературе Нового времени конвенций, будь то авторское право или хороший «литературный вкус».

На сегодняшней стадии изучения творчества писателя представляется существенным воссоздание ближайших историко-литературных контекстов для каждого отдельного случая – художественного текста или литературной авантюры писателя. Лишь погружение в эмпирику литературного процесса позволит отделить «миф» от «правды», уяснить, где уместно говорить о мистификации, где – о пла-

гиате или провокации. При таком подходе становится очевидным, что долг исследователя в отношении рассказа «Чукча Коплянто Анадырский» – обелить имя Антона Сорокина: говорить о плагиате в данном случае нет никаких оснований и совершенно недопустимо.

Список литературы

- А. Ш. Дорогой гость // Жизнь Алтая (Барнаул). 1916. № 200, 10 сент. С. 3.
[Без подписи]. В тихом семействе // Багульник (Иркутск). 1916. № 2. С. 9–10.
Беленький Е. И. Всеволод Иванов и Антон Сорокин // Учен. зап. Омского педагогического института. Омск: Ом. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1970. Вып. 47: Всеволод Иванов: Тр. Межвуз. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения писателя (март 1965). С. 150–165.
Вест Ю. Библиография: «Сибирские Записки» № 3, Август 1916. Красноярск // Багульник (Иркутск). 1916. № 2. С. 14.
Гончарова О. М. «Игра» в жизни и творчестве Антона Сорокина // Культура и текст. Славянский мир: прошлое и современность: Сб. науч. тр. Барнаул: АлтГПУ, 2001. С. 249–259.
Добычин Л. И. Полн. собр. соч. и писем. СПб.: Журнал «Звезда», 2013. 540 с.
Е. Б. В литературно-художественном кружке // Русская армия (Омск). 1919. № 73, 9 апр. С. 3–4.
Здобнов Н. В. Материалы для сибирского словаря писателей. М.: Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, 1927. 61 с. (Приложение к журналу «Северная Азия»)
Иванов Вс. В. Портреты моих друзей: Антон Сорокин // Огонек. 1964. № 10. С. 18–21.
Кавалеров Н. [Дмитриев В. А.]. Семья: Повесть. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 96 с.
Крутовский В. М. Литературный мародер // Енисейский край (Красноярск). 1916. № 19, 17 нояб. С. 2.
Ланн Е. Л. Литературная мистификация. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 232 с.
Лоцилов И. Е. Из заметок о литературе и литературной жизни 1920-х годов: Две гипотезы // Культура и текст (Барнаул). 2013. № 2. С. 91–102.
Миокин М. В. К предыстории повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» // Русская литература. 1966. № 1. С. 192–197.
Попова И. Л. Литературная мистификация в историко-функциональном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1992. 18 с.
Ротиков К. К. [Приютко Ю. М.]. Другой Петербург. СПб.: Лига Плюс, 1998. 574 с.
Сибирские огни (Новосибирск). 1928. № 4. 256 с.
Сорокин А. С. Письмо в редакцию // Приишимье (Петропавловск). 1916. № 199, 14 сент. С. 2.
Сорокин А. С. Чаша крови // Единство (Петропавловск). 1919. № 291, 6 июля. С. 3.
Стож Д. [Рысс-Петрова В. Ф.]. Черная доска. Иркутск: Ирисы, 1917. 8 с.
Тан [Богораз В. Г.]. Коплянто застрелился // Биржевые ведомости (Пг.). 1916. № 129, 13 мая. С. 5.

- Тан (Богораз) В. Г. Сибирский трафарет // Журнал журналов (Пг.). 1916. № 45, ноябрь. С. 1.
- Толстая Е. Д. Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880-х – начале 1890-х годов. М.: Радикс, 1994. 397 с.
- Треплев К. [Сорокин А. С.]. Чукча Коплянто Анадырский // Сибирские записки (Красноярск). 1916а. № 3. С. 51–54.
- Треплев К. [Сорокин А. С.]. Чукча Коплянто Анадырский // Северные записки (Пг.). 1916б. № 10. С. 79–82.
- Треплев К. [Сорокин А. С.]. Иосиф Драчев // Приишимье (Петропавловск). 1916в. № 126 (929), 12 июня. С. 1–2.
- Тырышкина Е. В. Примитив А. Сорокина и его место в литературном процессе 20-х гг. // Студент и научно-технический прогресс. Филология: Материалы XXV Всесоюз. науч. студ. конф. Новосибирск: НГУ, 1987. С. 38–43.
- Урманов К. Н. [Тупиков К. Н.]. Наша юность: Страницы воспоминаний // Сибирские огни. 1965. № 2. С. 159–171.
- Чужак Н. [Насимович Н. Ф.]. Литературный дневник // Багульник (Иркутск). 1916. № 4. С. 13.
- Шепелева В. Б. Фонд короля VI державы // Иртыш (Омск). 1994. Вып. 1. С. 74–110.
- Яранцев В. Н. Сборники рассказов Вс. Иванова и А. Сорокина 1916–1919 годов в аспекте самиздата // Сибирь литературная XVIII–XXI веков: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 23–24 ноября 2022 года). Омск: Наука, 2022. С. 68–74.
- Яранцев В. Н. Протосамиздат в Западной Сибири в предреволюционные годы и в период белогвардейской власти (1916–1919) (на примере творчества Вс. Иванова) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 66–73.

References

- A. Sh. Dorogoi gost'. *Zhizn' Altaia* [*Life of Altai*] (Barnaul), 1916, no. 200, September 10, p. 3. (in Russ.)
- [Anonymous]. V tikhom semeistve. *Bagul'nik* [*Ledum*] (Irkutsk), 1916, no. 2, pp. 9–10. (in Russ.)
- Belenky E. I. Vsevolod Ivanov i Anton Sorokin. In: *Uchenye zapiski Omskogo pedagogicheskogo institute* [Scientific Notes of the Omsk Pedagogical Institute]. Omsk, A. M. Gorky OmSPI Press, 1970, iss. 47: Vsevolod Ivanov: Proceedings of the Inter-university Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Writer's Birth (March 1965)], pp. 150–165. (in Russ.)
- Chuzhak N. [Nasimovich N. F.]. Literaturnyi dnevniki. *Bagul'nik* [*Ledum*] (Irkutsk), 1916, no. 4, pp. 13. (in Russ.)
- Dobychin L. I. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete Works and Letters]. St. Petersburg, Zhurnal "Zvezda", 2013, 540 p. (in Russ.)
- E. B. V literaturno-khudozhestvennom kruzhe. *Russkaya armiya* [*Russian Army*] (Omsk), 1919, no. 73, April 9, pp. 3–4. (in Russ.)
- Goncharova O. M. "Igra" v zhizni i tvorchestve Antona Sorokina ["The Game" in the life and work of Anton Sorokin]. In: *Kul'tura i tekst. Slavyanskii mir: proshloe*

- i sovremennost' [Culture and text. The Slavic world: past and present]. Collection of scientific papers. Barnaul, AltSPU Press, 2001, pp. 249–259. (in Russ.)
- Ivanov Vs. V. Portrety moikh družei: Anton Sorokin. *Ogonek* [Fire], 1964, no. 10, pp. 18–21. (in Russ.)
- Kavalerov N. [Dmitriev V. A.]. *Sem'ya: Povest'* [Family, A Tale]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930, 96 p. (in Russ.)
- Krutovsky V. M. Literaturnyi maroder. *Eniseiskii krai* [Yenisei Territory] (Krasnoyarsk), 1916, no. 19, November 17, p. 2. (in Russ.)
- Lann E. L. Literaturnaya mistifikatsiya [Literary Hoax]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930. 232 pp. (in Russ.)
- Loshchilov I. E. Iz zametok o literature i literaturnoi zhizni 1920-kh godov: Dve gipotezy. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text] (Barnaul), 2013, no. 2, pp. 91–102. (in Russ.)
- Minokin M. V. K predystorii povesti Vs. Ivanova "Bronepoezd 14-69". *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1966, no. 1, pp. 192–197. (in Russ.)
- Popova I. L. Literaturnaya mistifikatsiya v istoriko-funktsional'nom aspekte [Literary mystification in the historical and functional aspect]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, Lomonosov MSU Press, 1992, 18 p. (in Russ.)
- Rotikov K. K. [Priutko Yu. M.]. *Drugoi Peterburg* [Another Petersburg]. St. Petersburg, Liga Plyus Publ., 1998, 574 p. (in Russ.)
- Shepeleva V. B. Fond korolia VI derzhavy. *Irtys* [Irtys] (Omsk), 1994, iss. 1, pp. 74–110. (in Russ.)
- Sibirskie ogni* [Siberian Lights] (Novosibirsk), 1928, no. 4, 256 p. (in Russ.)
- Sorokin A. S. Chasha krovi. *Edinstvo* [Unity] (Petropavlovsk), 1919, no. 291, July 6, p. 3. (in Russ.)
- Sorokin A. S. Pis'mo v redaktsiyu. *Priishim'e* [Near Ishim] (Petropavlovsk), 1916, no. 199, September 14, p. 2. (in Russ.)
- Stozh D. [Ryss-Petrova V. F.]. Chernaia doska [Black Board]. Irkutsk, Irisy Publ., 1917, 8 p. (in Russ.)
- Tan (Bogoraz) V. G. Sibirskii trafaret. *Zhurnal zhurnalov* [Magazine of Magazines] (Pg.), 1916, no. 45, November, p. 1. (in Russ.)
- Tan [Bogoraz V. G.]. Kopyanto zastrelilsya. *Birzhevye vedomosti* [Stock Exchange Statements] (Pg.), 1916, no. 129, May 13, p. 5. (in Russ.)
- Tolstaya E. D. Poetika razdrasheniya: Chekhov v kontse 1880-kh – nachale 1890-kh godov [Poetics of Irritation: Chekhov in the Late 1880s – Early 1890s]. Moscow, Radiks Publ., 1994, 397 p. (in Russ.)
- Treplev K. [Sorokin A. S.]. Chukcha Kopyanto Anadyrskii. *Sibirskie zapiski* [Siberian Notes] (Krasnoyarsk), 1916, no. 3, pp. 51–54. (in Russ.)
- Treplev K. [Sorokin A. S.]. Iosif Drachev. *Priishim'e* [Near Ishim] (Petropavlovsk), 1916, no. 126 (929), June 12, pp. 1–2. (in Russ.)
- Treplev K. [Sorokin A. S.]. Chukcha Kopyanto Anadyrskii. *Severnye zapiski* [Northern Notes] (Pg.), 1916, no. 10, pp. 79–82. (in Russ.)
- Tyryshkina E. V. Primitiv A. Sorokina i ego mesto v literaturnom protsesse 20-kh gg. In: Student i nauchno-tekhnicheskii progress: Filologiya [Student and Scientific and Technical Progress: Philology]. Proceedings of the XXV All-Union Scientific Student Conference. Novosibirsk, NSU Press, 1987, pp. 38–43. (in Russ.)

Urmanov K. N. [Tupikov K. N.]. *Nasha yunost': Stranitsy vospominanii. Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 1965, no. 2, pp. 159–171. (in Russ.)

Vest Yu. Bibliografiia: "Sibirskie Zapiski" № 3, Avgust 1916. Krasnoyarsk. *Bagul'nik* [Ledum] (Irkutsk), 1916, no. 2, p. 14. (in Russ.)

Yarantsev V. N. Sborniki rasskazov Vs. Ivanova i A. Sorokina 1916–1919 godov v aspekte samizdata. In: *Sibir' literaturnaia XVIII–XXI vekov* [Literary Siberia of the 18th – 21st Centuries]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, November 23–24, 2022). Omsk, Nauka, 2022, pp. 68–74. (in Russ.)

Yarantsev V. N. Protosamizdat v Zapadnoi Sibiri v predrevoliutsionnye gody i v period belogvardeiskoi vlasti (1916–1919) (na primere tvorchestva Vs. Ivanova). *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2023, vol. 30, no. 3, pp. 66–73. (in Russ.)

Zdobnov N. V. Materialy dlya sibirskogo slovarya pisatelei [Materials for the Siberian Dictionary of Writers]. Moscow, Obshchestvo izucheniia Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka, 1927, 61 p. (Prilozhenie k zhurnalu "Severnaia Aziia"). (in Russ.)

Приложение *

Константин Треплев

ЧУКЧА КОПЛЯНТО АНАДЫРСКИЙ

Эскиз

У ново-мариинского поста на Анадыре был чукотский поселок, жили в нем все бедные чукчи, почти нищие; их женщины и ребяташки выпрашивали куски хлеба у русских и целые дни разрывали кучи мусора и выбирали отбросы: гвоздики, железо, пуговицы, бумажки и прочий хлам...

Русских все прибывало, с каждым месяцем становилось все больше и больше... Ново-Мариинск сделался Анадырской столицей, а чукчи все исчезали и исчезали... Не охотились за зверем чукчи. Пришли русские и испугали зверя... и птицу... Далеко приходилось ходить за зверем, а потом все добытое за водку приобретали хитрые торгаши русские, и осталось на Анадыре только три семьи... было триста семей, осталось три семьи... было триста семей, осталось три семьи... Что же можно сказать еще – не известно человеческому языку... Было триста семей, осталось три семьи... А где двести девяносто семь семей?... куда исчезли... Тысяча чукчей куда исчезли?... Тысяча куда исчезли?... Осталось двенадцать человек. Двенадцать человек осталось из тысячи чукчей...

Где Ирмишка, так хорошо певший? Где Ирмишка?

– А зачем вам Ирмишка? Песен его захотели послушать, куски хлеба, куски сахара хотите бросить ему за его песни? Песни, которыми заслушивались добрые духи неба и в страхе исчезали духи зла... тоски и страдания. Я вам говорю, нет Ирмишки... больше вы его не услышите, умер Ирмишка. Умер Ирмишка, слыши-

* В публикуемых материалах особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

те, умер Ирмишка. Может, жив Аканькау... Аканькау, может, жив... что умел в длинные вечера рассказывать о величии, о добродушии, о подвигах древних чукчей, так много вмещала голова его; казалось, что живет он пятьсот лет, а может, тысячу, он рассказывал так, как будто все это он видел глазами своими, все наблюдал, рассказывал так, что каждый слушавший верил, что все это было и не ложь. Где же этот Аканькау? Не мог же он умереть?.. Не расскажет ли он нам теперь что-либо о чукчах и о русских? Не подметил ли он своим зорким глазом, что бедных, несчастных чукчей, русские обидят великой обидой... Не расскажет ли нам Аканькау что-либо об этой обиде?.. И не уронят ли не одну слезу старые чукчи, не утрут ли эту слезу своими кулаками так незаметно, как будто мошка попала в глаз, или соринка, или просто глаз зацарапался. Нет, Аканькау ничего не расскажет, он не умер, он не умер, он жив, но ничего не расскажет, он сидит молча и не говорит. Сидит и молчит... Он не хочет говорить. На замок закрыл свои мысли и молчит. Тоскливо глядит и молчит; многие приходили, давали деньги, водку, говорили слова льстивые, все услышать хотели, что скажет мудрый Аканькау... Но молчит Аканькау... и смотрит куда-то вдаль, как будто никого не видит... Не смотрит ли мудрый Аканькау туда, где лежат кости чукчей?.. Не видит ли мудрый Аканькау умерших и не разговаривает ли с их душами... Посмотреть на Аканькау можно. Вот он сидит и качает своей седой бородой... Но он умеет говорить, и он слышит. Настанет время, когда Аканькау разомкнет уста свои, изречет слова, страшные слова, проклинающие, и будет страшно всем виновникам этого преступления. Такое время настанет. Все видит, все слышит Аканькау, и все впитывает душа Аканькау...

А где Ромка, что рисовал такие чудные рисунки кровью на деревянных досках? Не приходили ли смотреть эти рисунки чукчи и не ободряли ли Ромку: – Ах, как хорошо... Как живое...

Где этот Ромка... Из крови творивший живое? Где он?..

Ромку русские увезли... напоили водкой и увезли в свой город, дали ему вместо крови краски и кисти, вместо досок деревянных тонкую бумагу... и заставили за деньги рисовать для себя... Украли Ромку русские. Вот где Ромка... вот где Ромка. Там у русских в большом городе.

А Ромку теперь не узнать. Одежда русская, жена русская и говорить на своем языке он не умеет... Вот какая участь Ромки. Умер Ромка для чукчей, и ожил Ромка для русских – две жизни захотел жить Ромка, вот где Ромка...

Ну, а где Коплятно? Великий стрелок, умеющий пулей убивать без промаха птицу на лету... Где он?..

О Коплятно лучше не спрашивайте. Меткую пулю он пустил в свое сердце, в душу свою пустил Коплятно пулю...

А если знать хотите, как это вышло, то слушай, внимательно слушай, русский народ. Не одного Коплятно это смерть. Это смерть всего народа чукчей. Народа свободного, по собственным обычаям управляемого. Это смерть всего народа чукчи.

Слушай.

Коплятно был из древней семьи, уважаемой, такой же уважаемой, как и семья Аканькау. Был он человек гордый, и рабом никогда не был. Даже враги на Чукотском мысе, и те уважали Коплятно, и жители поселка Мыськон, когда через него

проходил Коплянто, не тронули Коплянто, хотя были все смертельные враги Коплянто...

И вот этот самый Коплянто умер... убил себя... Случилось это так. Губернатор решил устроить выставку в Хабаровске, приамурскую выставку, и задумал на этой выставке показать все подвластные ему племена живыми, и, конечно, вымирающих анадырских туземцев.

Но чукчи из Телькенской пустыни не согласились ехать в Хабаровск, несмотря на уговоры и даже на угощения водкой теми, кто желал угодить губернатору. И когда рассерженные чиновники пригрозили тюрьмой, то угнали чукчи стада оленей и скрылись... Тогда пристав с квартальным решили уговорить Аканькау и Коплянто, как типичных и представительных чукчей... Пришли, стали уговаривать, деньги высыпали, сахар высыпали, масло и водку поставили... Но как будто ничего не видел старый Аканькау... Ничего не слышал и не видел... Как будто не было русского народа... он его не видел. Как будто и не пришли пристав с квартальным, как будто и их не было ¹³, и как будто и на столе ничего не было. На уговоры пристава согласился Коплянто, пил водку и ел масло, и дал слово ехать... слово чукчи дал... и взял деньги...

Он знал, за что брал деньги.

– Меткую стрельбу будет показывать русским и удивлять их...

Такой меткости глаза еще никто не имел, пусть смотрят и удивляются. Когда ушли пристав и квартальный, Коплянто сказал:

– Аканькау – видишь, сколько денег я заработал? На, возьми половину. – Коплянто знал, что молчит Аканькау пять зим... и теперь не надеялся получить от него ответа.

Но, к удивлению и ужасу немного охмелевшего Коплянто, Аканькау раскрыл рот свой и хриплым от долгого молчания голосом почти закричал:

– Коплянто, горе тебе! Коплянто, горе народу чукчи! Коплянто – разве ты не знаешь? – не рабы чукчи. В плену врагов убивали себя чукчи. А теперь что: всех убили чукчей, и жалкие остатки сохранять ¹⁴ хотят. Силою детей родить заставляют, но свободные чукчи в рабстве жить не могут, умрут все... умри и ты. Умри и ты. Старый Аканькау все проклинает, и водку эту, и деньги...

Потом опять замолк, и ни одного слова не сказал... Никто не верил Коплянто, что Аканькау говорил; все говорили, что это показалось Коплянто с пьяных глаз.

Но Коплянто стал тосковать, ходил он к приставу и говорил:

– Я не могу ехать, возьми свои деньги, и свое обещание я возьму назад. У меня в груди болит... – Но пристав денег не взял. Бросил мешок с деньгами Коплянто и ушел, потом тосковал, плакал и тоже замолчал, как Аканькау, и часто приходил к Аканькау и говорил:

– Аканькау, я умру... Ты слышишь, я буду настоящим чукчей, я умру... перед их глазами, чтобы видели они это. Я умру.

– Умри, – сказал Аканькау.

Приехала шхуна и забрала всех инородцев с их женами, утварью, детьми и повезли на показ в Хабаровск ¹⁵.

¹³ В редакции «Сибирских записок» опущен союз «и»: «...как будто их не было».

¹⁴ В редакции «Сибирских записок»: «сохранить».

¹⁵ В редакции «Сибирских записок»: «...на показ в Хабаровск русскому народу».

Привезли и разместили в больших помещениях; народ русский ходил и смотрел...

И вот, когда особенно много было народа... встал Коплянто... громко закричал на родном языке, потом на ломаном русском:

– Смотри, так умирайль чукчу... так умирайль, умирайль чукчу... – и выстрелил в самое сердце...

Вот как умер Коплянто, чукча Анадырский...¹⁶

Источник: *Треплев К. [Сорокин А. С.]. Чукча Коплянто Анадырский // Северные записки (Пг.). 1916. № 10. С. 79–82. Ранее, в другой редакции: Треплев К. [Сорокин А. С.]. Чукча Коплянто Анадырский // Сибирские записки (Красноярск). 1916. № 3. С. 51–54. Разночтения, кроме пунктуационных, отмечены в сносках.*

Тан

КОПЛЯНТО ЗАСТРЕЛИЛСЯ

1

К некоторому моему удивлению, получил три письма от читателей, по поводу моей статьи об Анадырском крае.

Одно из них жалуется, в довольно обиженном тоне: «Зачем вы написали, что мы не интересуемся российскими окраинами? Это неверно. Нам все-таки жалко Россию, всю от Либавы до Чукотского Носа».

Я мог бы ответить: «Если вы интересуетесь, зачем не пришли на доклад?»

И как характерно это петроградское: «все-таки жалко Россию».

Жалел волк кобылу, оставил хвост да гриву.

Другое письмо упрекает: «Зачем вы рассказали так мало об Анадырском крае?»

Ну вот, если это интересно, могу рассказать и больше.

Я просидел часа три с докладчиком М. И. Горяиновым и его супругой и все расспрашивал их о старых моих знакомых, все больше о чукчах. Ведь у Ново-Мариинского поста, на Анадыре, был чукотский поселок, в большинстве состоявший из нищих. Они побирались при русской казарме. Бабы, ребятишки, бывало, целыми днями роются в сорных кучах, то корочку хлеба найдут, то гвоздик железный.

Теперь Ново-Мариинский пост вырос и сделался Анадырской столицей, а чукчи, к удивлению, исчезли. Осталось только три семьи.

– Где Ирмишка безногий? – спрашивал я Горяинова.

– Умер.

– А где Аканькау, который научился по-русски читать и писать?

– Исчез.

– А Ромка – художник, который рисовал такие прекрасные рисунки для чукотских праздников кровью на деревянных досках?

¹⁶ В редакции «Сибирских записок»: «Вот как умер Коплянто, чукча Анадырский. Снимите шапки, народ русский, и, наклонив головы, молчите... Так, как умеет молчать чукча Аканькау, но вы этого не умеете делать».

– Тоже исчез.

– А Коплянто, что жил за лиманом?

– Коплянто застрелился из винчестера.

История Коплянто стоит того, чтобы рассказать ее подробно.

2

Коплянто был единственный серьезный охотник и промышленник этого поселка.

С русскими он был в хороших отношениях, но подачек не просил. Был он из древней семьи, осевшей на лимане давно, одним словом «настоящий житель», как говорят на севере. Имя его означает: «вышедший из небесного навоза», т. е. из навоза, оброненного на землю божественным вороном, строителем Мира.

Был он человек храбрый, и по-своему гордый – и нервный, как все эти охотники-воины.

Во время моей поездки с Анадыра на Чукотский мыс, через снежную пустыню, я уговорил его быть мне проводником. Уговаривать пришлось долго, ибо Коплянто имел «кровные счеты» с жителями ближайшего приморского поселка, Мыскан. Дело обошлось благополучно. Мысканцы не тронули Коплянто. Перед поездкой Коплянто и казак мой Илья Киренский побратались по чукотскому обычаю, зарезали собаку и помазались ее кровью. А теперь этот Коплянто застрелился из винчестера. Вышло это вот как.

Н. Л. Гондатти перед самой войной задумал устроить в Хабаровске Приамурско-приморскую выставку. Было это отчасти в связи с той приамурской, якобы «стратегической» железной дорогой, которую мы ревностно строили в то время на Дальнем Востоке, черт знает зачем, оставив без внимания подлинно стратегические дороги на германской границе и подъездные дороги к Архангельску и Мурману.

И вот Н. Л. Гондатти, подобно императрице Елизавете, затеял собрать на выставку все живые образцы подвластных ему племен, и в первую голову, разумеется, анадырских туземцев, бывших свидетелями первых шагов его блистательной административной карьеры.

Но оленные чукчи с Телькевской пустыни, как их ни уговаривали, не согласились отправиться в Хабаровск.

Стали уговаривать старого соседа Коплянто, уговаривали долго, и в конце концов Коплянто поддался и дал слово. Но когда стало приближаться лето и прибытие очередного парохода, Коплянто начал задумываться. Придет к дому начальника, стоит и молчит, и смотрит. Или скажет, что у него в груди болит.

И вот, когда вскрылся лиман и вдали, наконец, показалась первая шкуна, Коплянто зашел за свою родовую, «оседлую палатку» и выстрелить себе в сердце.

3

Этот трагический случай – как символ ближайшей судьбы всего северо-востока.

С нашей стороны «все по-хорошему», ласковые слова, уговоры, а туземцы вымирают и даже убиваются сами, как было и прежде, как указано еще и на карте Лоттера 1765 года.

Tiuktzchi natio ferocissima et bellicosa, Russorum inimica, qui Gapti se invicem interficiunt.

«Чукчи, нация свирепая и воинственная, враждебная русским; взятые в плен, они не побеждены, сами себя убивают».

Замечательно, что эти самые чукчи охотно нанимаются на корабли к американским китобоям и торговцам, ходят в Аляску и в Сан-Франциско, и даже на южные тропические острова, хорошо говорят по-английски.

Разница в том, что американцы, люди простые, реальные, промышленники, контрабандисты, авантюристы, порою преступного типа, но нет между ними чиновников, искателей власти как таковой.

Русские чиновники кажутся туземцам иррациональными, вроде загадочных духов, и они их пугают, даже до добровольной смерти.

А казак мой, Илья Киренский, тоже застрелился из ружья, лет за пять до Коплянто.

Был он удалый человек, следопыт и стрелок, огромный и статный, как лось, истый потомок северных казаков, «примысливших» России десять сибирских рек длиной от Волги до Нила, и два океана. Казаки эти все те же казаки по крови и облику. Даже имена сохранились от XVII века: Дауров, Атласов, Кривогорницын. Но со времени Бирона казаки эти перечислены в министерство внутренних дел для полицейской службы. И с тех пор они денщики, конвоиры, часовые, рассыльные, курьеры, спутники ученых экспедиций на суше и на море, стражники, солдаты, да и мало ли что еще.

Эстафета прискачет: возьмут тебя, прямо из дома, от промысла, одеться не дадут и отправят за две тысячи верст в трехгодичный наряд.

В 1913 году по поводу 300-летия дома Романовых камчатским казакам даровано освобождение от этой нескончаемой службы. Но Илья мой не дожил и освободил себя сам.

Впрочем, теперь, по поводу войны, действие этой льготы временно отсрочено, и казаки конвоируют, и охраняют, и блюда на стол подают по-прежнему.

4

Другая реформа тоже отсрочена временно – введение новых губернских штатов для новообразованной губернии. Группа «меднозастегнутых» чиновников на снимке над священной ступенькой Гондатти, о которых я писал в прошлой статье, все это лишь «сокращенные временные штаты». Кстати сказать, на правой стороне снимка красуется преогромный мужчина в длиннополом мундире. Это – Чаплинский, – родной брат прокурора по делу Бейлиса.

Вот их как бросает, – из Киева в Анадырь!..

Родство это считается, как видно, за знатное, если его понимают с особым почтением.

Полные штаты будут введены после войны. Для каждого округа, в том числе и для дикого Чукотского Носа, – полагаются исправник и помощник, секретарь, становые пристава, урядники, и стражники, и, жандармы!

Надо заметить, что по старому Своду Законов, чукчи принадлежат к «племенам, не вполне покоренным». Они управляются по собственным обычаям, вплоть до суда за убийство, совершенное на собственной земле. Платят ясаки и налоги только добровольно. Смотри, например, Свод Законов, издание 1857 года, IX, статьи 1251–1256. Правда, в издании 1876 г. статьи эти исключены. Но эта отмена до сих пор не провожалась в жизнь.

Впрочем, ближайшие чукчи покорились, молчат. А далекие – косятся. По Чанской тундре пошли нехорошие слухи, что будет война, как в так называемые «худые годы», при маиоре Павлуцком, пострадавшем от рук дикарей в XVIII веке.

5

Я интересовался узнать у Горяинова, какие именно судебные дела были у него на рассмотрении, и опять-таки узнал любопытные вещи.

В поселение Ноокан на мысу Дежнева по старой привычке явился американский спиртовоз на шкуне «Seawolf». Русский стражник, живущий в селении, явился на шкуну, и только подошел к бочке спирту, как вдруг американцы напали на него, ранили и сбросили его в море.

Но он все-таки выплыл на берег. Шкуна, разумеется, ушла в море, а через несколько месяцев мировой судья Горяинов на сухом берегу начал следствие по этому делу.

Впрочем, американские спиртовозы все на счету. Жителям поселка поручали на случай, если спиртовозная шкуна явится вновь, заманить кого-нибудь из ее команды на берег под видом торговли, и там связать его. Чукчи поручение исполнили. И таким образом попался некий Godschalk, судя по фамилии из немцев. Его уличили на очной ставке и увезли в Петропавловск, где он сидит в тюрьме.

Другая спиртовозная шкуна потерпела аварию на скалах, и имущество ее было «конфисковано» чукчами.

Все-таки это манера довольно странная: ловить спиртовозные шкуны не в море, а на сухом берегу.

Не лучше ли отправить для этого таможенный крейсер, как делают американцы. Крейсера «Bear», «Thetis» и другие довольно давно вывели на Аляске морскую контрабанду спиртовозов и хищников зверя.

Теперь, разумеется, война. Наш флот занят. Но и до войны мы не удосужились устроить ничего.

Вот мы и ловим морскую контрабанду на суше.

Живем, как жили по слову Некрасова:

Посмотри: моряк на суше,

Офицер на корабле.

И все наши прочие реформы такого же свойства.

Я, конечно, не претендую на административный опыт, вроде того же Н. Л. Гондатти, который, например, для 300 обруселых инородцев селения Маркова завел особые книги и заносит во «входящие» каждую покупку штанов и меховых чулок; или вроде другого колымского администратора, который завел такие же реестры для половых сношений населения, уловляя неразрешенный (!) сифилис. Но думаю, что для северных окраин можно было бы составить другой административный план, более приемлемый и более осторожный.

В ожидании этого закончу последними словами моей монографии о чукчах:

«Ради Бога, не тормозите их с вашей хваленной культурой, не то они вымрут».

Источник: *Тан [Богораз В. Г.]*. Коплянто застрелился // Биржевые ведомости (Пг.). 1916. № 129, 13 мая. С. 5.

Информация об авторах

Игорь Евгеньевич Лоцилов, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Константин Александрович Прохоров, историк, Doctor of Philosophy, независимый исследователь (Омск, Россия)

Information about the author

Igor E. Loshchilov, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Constantine A. Prokhorov, Doctor of Philosophy in History, Historian, Independent Researcher (Omsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 19.08.2026;
одобрена после рецензирования 24.08.2026; принята к публикации 24.08.2026
The article was submitted on 19.08.2026;
approved after reviewing on 24.08.2026; accepted for publication on 24.08.2026*